

МОСКОВСКАЯ ВЕСНА

То были весны над другой Москвой,
Сменявшие совсем другие зимы...
Как был желанен танец снеговой
И лужи под апрельской синевой!
Но оценить тогда их не могли мы,
Доколе не извели печать
Тех лет, чью повесть лучше умолчать.

Но с нами вновь зерно, вода, огонь,
И город заскорузлую ладонь
Устал тянуть за недоступной пищей.
Изглоданный, разграбленный и нищий,
Перевязавший раны инвалид
Со вздохом встал, как жизнь ему велит.
Раскрылась неизбитая тюрьма,
Явилось вновь лицо родного мира,
Согрелись просыревшие квартиры,
Окрасились знакомые дома,
Летит трамвай, сверкнув и прозвеневши,
И вновь мелькают люди – но не мы...
А город, как больной, переболевши,
Приветствует уход седьмой зимы –

MOSCOW SPRING

Those springs reigned in another circumstance,
And followed quite another kind of winters.
How very welcome were the snowflakes' dance,
And puddles filled with April's azure trance!
We didn't know what miracles we witnessed
Until we had experienced the toll
Of the epoch we'd better not recall.

But they are back: grain, water, firewood, and
The city's tired of stretching its cupped hand
In want of inaccessible nutrition.
A prey to loot, destruction, and attrition,
The cripple dressed its wounds, and, sighing, tries
To rise up on its feet as life requires.
Our world is back to its primeval form.
The unrelenting prison is uncovered,
Familiar buildings are regaining color,
And dank apartments slowly getting warm.
A tram is running by, with dings and flashes,
The streets fill up with people – but not us...
And Moscow, a recuperating patient,
Salutes the seventh winter's closing thus:

Весёлым пеньем петухов горластых,
Теплом дождей, безудержных и частых,
И маковками ярких куполов,
И голосом густых колоколов,
Под утро говорящих об обедах,
И быстрым лепетом ручьёв последних,
И грохотом сосуллек ледяных...

Но в переулках старых и родных,
Где гложущих садов узорны ветки...
...Лишь комсомолка в клетчатой каскетке –
И в белых, как у девочки, носках,
На чётких и упрямых каблуках
Отщелкивает тротуара плиты.
И пусть дома теплом весны облиты –
Его струит уже не прежний день,
И зацветет не прежняя сирень,
Чтоб окаймить забор лиловым краем,
Не выкатится детское серсо,
Не повернётся Счастья колесо,
И этот Май не станет нашим Маем.

<1924>

With merry singing of the shrill-gorged roosters,
The warmth of rains, quite frequent and quite ruthless,
And cupolas in brightly polished shells,
And voices of the densely tolling bells,
At dawn reminding of the evening service,
And April currents' rapid farewell murmurs,
And icicles collapsing from above...

But in the Moscow alleys, old and loved,
Where gardens are already almost greening...
A komsomolka in a checkered beanie
And, like a little girl, white cotton socks,
On rigorous and stubborn shoe-heels, knocks
Decisively upon the cobble pavement.
And though the buildings bathe in springtime's heaven,
It's not the former day that spreads the fume,
And not the former lilac that will bloom
To fringe the fence with violet engraving,
A children's hoop won't roll across the lawn,
The wheel of Fortune will not make its turn,
And May will not become the May we're craving.